

ОТЗЫВ

**официального оппонента к. и. н., доцента кафедры востоковедения
Уральского гуманитарного института Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина» (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина») Д. В. Возчикова
на диссертацию Гоца Дмитрия Игоревича «Конструирование
исторической памяти в Венецианской республике (конец XV – начало
XVI в.)», представленную на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история**

Венецианский ювелир и путешественник Гаспаро Бальби сохранил в своем знаменитом травелоге 1590 г. один примечательный эпизод на аудиенции у бирманского короля Нандабайина в 1583 г. Король спросил венецианца, какому королю подвластна Венеция, и, услышав в ответ, что Венеция «управляется как республика и не подвластна ни одному королю», властитель так засмеялся от удивления, что на него напал болезненный кашель (*Balbi G. Viaggio dell'Indie Orientali, di Gasparo Balbi, gioielliere Venetiano. Venetia, 1590. P. 103*). Комментируя этот случай, видный американский венециевед Р. Финли иронично заметил: «Поскольку республики были неизвестны в Азии и необычны для Европы, это явно был не первый случай, когда Бальби встретил столь недоверчивый смех» (*Finlay R. The Immortal Republic: The Myth of Venice during the Italian Wars (1494–1530) // The Sixteenth Century Journal. 1999. Vol. 30. № 4. P. 931*). Эта история иллюстрировала особую гордость венецианцев раннего Нового времени – и отнюдь не только аристократов – политическим устройством Республики св. Марка и готовность демонстрировать эту гордость даже в тех регионах мира, для которых городские республики не были характерны. Представление об уникальности и совершенстве политической модели Светлейшей составило сложный идеологический комплекс, получивший название венецианского мифа. Путям развития и принципам функционирования этих идеологем исключительности, восприятию ключевых событий истории морской республики венецианскими историками в конце XV – первые три десятилетия XVI в., в эпоху новых вызовов и испытаний для нее, а также отчасти и судьбе самого понятия «республика» в трудах итальянских интеллектуалов того времени, посвящена диссертация Д.И. Гоца.

Представленная диссертация отличается особой актуальностью в наши дни, в свете ряда геополитических и социокультурных вопросов современного мира, среди которых – выход новых игроков на арену мирового состязания и серьезные испытания для казавшихся еще недавно устойчивыми моделей и принципов в международных отношениях. В этих условиях историческая

память в разных регионах мира также оказывается полем для острых идеологически заряженных противостояний. Представления о прошлом были и остаются одной из основ этнической и социальной идентичности человека, а изучение эволюции этих представлений, акцентов на «славных» или же «горестных» событиях далекого или, наоборот, недавнего прошлого в переломные для истории того или иного сообщества, общества или государства эпохи, позволяет лучше понять не только интеллектуальные тренды на определенном этапе развития данного социума, но и выявить наиболее значимые для него культурные и ценностные приоритеты, а также существующие внутри него идейные конфликты. Одной из таких судьбоносных эпох для истории Венецианской республики, итальянских государств, цивилизации Запада, а во многом – и мира в целом, был рубеж Кватроченто и Чинквеченто.

Следует сразу отметить, что перед исследователем венецианской исторической памяти XV–XVI вв. встают риски как попадания под обаяние блестяще сконструированного венецианского мифа, так и ухода в гиперкритику. Автор сумел с должным мастерством пройти между этими Сциллой и Харибдой, обнаружив глубокое понимание сложного исторического контекста эпохи. Д.И. Гоц не просто претендует на освещение широкого круга вопросов исторической памяти Венецианской республики в относительно краткий, но чрезвычайно событийно насыщенный временной отрезок (1487–1530, с. 18), но и с успехом решает поставленные задачи. Диссертация несет несомненную исследовательскую новизну, важной составляющей которой является компаративистский анализ стратегий конструирования образа прошлого в Венеции и Флоренции.

Введение к исследованию включает все необходимые составляющие: актуальность, степень изученности проблемы, обзор источников, объект и предмет исследования, цель и задачи, описание теоретико-методологических основ, новизну диссертации, положения, выносимые на защиту. Автор последовательно, четко и логично анализирует обширную и разнообразную литературу по изучаемому комплексу проблем, им выделено восемь проблемных блоков в историографии (с. 6–17). Д.И. Гоц продемонстрировал особенно глубокое знание итальянской историографии вопроса. Грамотный анализ позволил выявить – при всем обилии научной литературы – существующие лакуны в историографии (с. 17). Источниковая база работы весьма разнообразна: ее основу составляют труды влиятельных историков XV–XVI вв. – как венецианцев (Лоренцо де Моначи, Маркантонио Сабеллико, Бернардо Джустиниани, Джанджакомо Карольдо, Марино Санудо Младший), так и представителей других итальянских государств, включая Флоренцию (Леонардо Бруни, Никколо Макиавелли). Автор также обращается к наследию гуманиста Флавио Бьондо, уроженца Форли, трудившегося при папском дворе

и оказавшего значительное влияние на венецианскую историческую мысль. На протяжении всего исследования уделяется особое внимание сравнению венецианской и флорентийской традиций историописания, а также гуманистического движения в Венеции и Флоренции. Комплексное рассмотрение источников позволяет проследить трансформацию воззрений историков XV–XVI вв. на инструменты формирования представлений о минувшем. Также исследователь обращается к сочинениям XIII–XIV вв., в частности к хроникам венецианцев Мартино да Каналь, Андреа Дандоло, знаменитого дожа-историка, и флорентийцев Джованни и Маттео Виллани, а также к ряду анонимных венецианских сочинений. Их задействование дает возможность рассмотреть региональные традиции конструирования исторической памяти, выявить наиболее стабильные характеристики историописательских школ и определить степень преемственности исторических трудов Нового времени по отношению к предшественникам. Автор, анализируя жанровое своеобразие памятников XVI в., справедливо замечает: «Карольдо и Санудо являлись хрониками скорее по форме, в своем же смысловом содержании они имели существенные различия со средневековыми текстами» (с. 27).

Автор с особым тщанием подошел к формированию методологического арсенала диссертации, что было необходимо в принципиально междисциплинарном исследовании. Историк детально продемонстрировал, для решения каких исследовательских задач использовалась та или иная методология. В частности, выводы Я. и А. Ассман были важны для понимания принципов интерпретации исторических сведений. Работы Р. Козеллека и К. Скиннера помогли выявить особенности локального употребления ключевых для исторической мысли социально-политических понятий.

Диссертация имеет логичную, продуманную структуру. В основу структурирования работы в две главы с параграфами был положен проблемный принцип, этот выбор следует признать верным, учитывая, во-первых, многоаспектность поднимаемой в исследовании проблематики, а, во-вторых, то, что главные «герои» диссертации – венецианские интеллектуалы конца XV – начала XVI в. – так или иначе приходились друг другу современниками. Хотя бы физически, пускай Джанджакомо Карольдо был еще ребенком, когда в глубокой старости умер один из виднейших венецианских гуманистов Бернардо Джустиниани.

В первой главе анализируются фундаментальные для историков-гуманистов представления и образы, служившие в их трудах обоснованием преимуществ мудрого аристократического правления и справедливости установившейся социальной иерархии. В первом параграфе раскрывается идея богоподобия в трудах Сабеллико и Джустиниани. Венецианские авторы, следуя идеям флорентийского гуманиста Леонардо Бруни, отводили индивиду

первостепенное значение в историко-политических изменениях. Диссертант отмечает, что данные воззрения были сформированы и культивировались для легитимации власти патрициата.

Второй параграф посвящен анализу использования сведений античных авторов (Тита Ливия, Катона, Страбона) итальянскими историками для создания более достоверных, по сравнению с предшествующей традицией, представлений о возникновении своих городов. Д.И. Гоц доказывает, что троянские версии, включая легенды о мифическом герое Антеноре, теряли в рассматриваемую им эпоху былую актуальность. Обращение к Древности ныне преследовало гораздо более сложные задачи, чем прикладная политическая легитимация. На основе анализа сочинения Сабеллико, который, совершенствуя свой историописательский инструментарий в соответствии с достижениями исторической критики Ренессанса, сопоставлял разные версии происхождения венецианцев, автор убедительно продемонстрировал, что троянская генеалогическая легенда в новых условиях «потеряла свой средневековый смысл и содержание» (с. 68). Сабеллико и Джустиниани создавали новые аргументы для обоснования особого международного статуса Венеции. Новаторское сравнение историописания венецианских авторов с творчеством Бруни позволило автору выявить уникальные тенденции конструирования исторической памяти в Венеции. Теперь Республика св. Марка описывалась своими историками не только как защитница христианства «от турок и пиратов», что и ранее было общим местом венецианского историописания, но, в первую очередь, как образец гармоничного общественно-политического устройства.

В третьем параграфе первой главы анализируются теоретические основы конструирования образа Венеции как совершенного политического организма у историков-гуманистов Джустиниани и Сабеллико, связанные с рецепцией античной философской мысли. Диссертант справедливо акцентирует внимание на том, что венецианцы проявили значительную избирательность в обращении к учению Платона, задействовав из его модели идеального государства лишь те составляющие, которые подходили для идеализированного изображения прошлого и настоящего Венеции.

Четвертый параграф посвящен взглядам Сабеллико и Джустиниани на внешнюю политику республики. Д.И. Гоц подчеркивает, что историки по-разному трактовали причины поражений Венеции на море, хотя оба полагали, что их отечество, якобы всегда верное защите общехристианского дела, не раз оказывалось жертвой чужой злокозненности (с. 124). Если Джустиниани винил в этом византийских императоров, то Сабеллико считал интриги союзников-католиков главной причиной поражений морской республики. Разные представления историков о приоритетах внешней политики находили отражение в их взглядах на текущую обстановку. Джустиниани полагал, что

республика должна восстановить свое морское влияние, Сабеллико подчеркивал огромную пользу для Венеции в присоединении Террафермы.

В выводах к первой главе констатируется влияние наследия Л. Бруни на принципы конструирования исторической памяти Сабеллико и Джустиниани. Венецианские гуманисты постарались инкорпорировать новые идеи в венецианское историописание, что позволило сформулировать панегирические нарративы, обосновывавшие справедливость и неизбежность аристократического правления.

Во второй главе автор рассматривает трансформацию гуманистического историописания в условиях Итальянских войн. Первый параграф посвящен сравнительному анализу творческих путей венецианцев Джанджакомо Карольдо и Марино Санудо, флорентийца Никколо Макиавелли. Диссертант показывает, что новые суровые реалии заставляли авторов отказываться от убеждений, культивировавшихся в политических элитах их отечеств в XV в., либо, по крайней мере, серьезно пересматривать их. Историки полагали, что общественная гармония, прославлявшаяся гуманистами Кватроченто, ныне утрачена. Венецианские интеллектуалы осознавали крушение привычного мироустройства и искали в истории ключи к восстановлению порядка времен расцвета Республики. Крайне интересным и инновационным представляется анализ языковых предпочтений интеллектуалов (с. 141–146): форма повествования менялась, переходя от латинского красноречия и литературной изысканности к образцам народного языка, а выбор манеры изложения оказывался отражением политических идеалов авторов.

Второй параграф посвящен отходу Карольдо, Санудо и Макиавелли от идеи богоподобия индивида. Интеллектуалы XVI в. приходили к пониманию противоречивой природы индивида, вновь ставили вопрос о свободе человека и его месте в мире и в исторических переменах, применяли эти новации к характеристике исторических персоналий. Эти тенденции ярко показаны на примере рационалистического анализа у Карольдо мотивов дожа-мятежника Марино Фальеро, побужденного, по словам историка, «дьявольским наущением». Автор справедливо полагает, «что эпитет “дьявольский” имел не только религиозную коннотацию» (с. 171). По удачному выражению автора, новые реалии «требовали, чтобы прошлое становилось более доступным для понимания и персонализированным» (с. 173).

В третьем параграфе рассматриваются отличия в восприятии социальных реалий у Карольдо и Санудо с Макиавелли. Для подкрепления своих тезисов диссертант использовал таблицы, демонстрирующие употребление авторами базовых общественно-политических понятий, включая *popolo* и *stato*. Эти приложения являются особым украшением работы и примером новаторского подхода в изучении исторических трудов XV–XVI вв. С их помощью исследователю удалось показать значительные различия в

понимании исторических реалий и целей конструирования исторической памяти у венецианских и флорентийского авторов, а также меняющиеся контексты употребления ключевых для Италии в начале раннего Нового времени понятий. Если Карольдо и Санудо полагали, что возвращение к идеалам прошлого восстановит прежнюю воображаемую общественную гармонию, то Макиавелли отчетливо понимал необходимость реформ, отвечающих вызовам времени, и демонстрировал рационалистический подход к социальным отношениям. В четвертом параграфе показано, сколь существенно отличались взгляды Карольдо, Санудо и Макиавелли на внешнюю политику своих государств: венецианские авторы были ограничены узкими интересами своего островного города, флорентиец же предлагал идеи устойчивого общеитальянского единства.

Весьма интересны и оригинальны выводы Д.И. Гоца о различиях во взглядах на дидактическую функцию истории у Карольдо и Макиавелли. Если флорентийский историк подходил к идее, что движущей силой социальных отношений являются рациональные причины и материальные интересы людей, то венецианский автор сохранял искреннюю веру в религиозные идеалы. В Заключении полностью обоснованным представляется итоговое объяснение, почему на дальнейшие этапы развития исторической мысли Запада Макиавелли оказал куда большее влияние, нежели его венецианские современники: по мнению Д.И. Гоца, «нахождение в плену ретроспективных идеологических концепций не дало авторам возможности подойти к окончательному оформлению своих взглядов в рамках абстрактного социального мышления Нового времени» (с. 240).

В целом, автору удалось убедительно показать несостоятельность упрощенных представлений о венецианском историописании XV–XVI вв. как о своего рода идеологическом монолите. Диссертация продемонстрировала неоднородность взглядов, мировоззренческих установок и социально-политических интересов, нашедших отражение в произведениях историков Венецианской республики, а также динамичное и многогранное развитие ее исторической мысли в переломный для судеб Европы период.

Основные положения диссертации Д. И. Гоца были представлены в 5 публикациях, три из которых опубликованы в журналах из перечня ВАК. Результаты исследования были апробированы на двух международных и одной всероссийской конференциях.

Предлагаемое амбициозное, обширное и добротное исследование все же имеет, по мнению оппонента, ряд упущений и недочетов.

1) В обзоре историографии (с. 6–17) хронологический принцип оказался принесен в жертву проблемному, что в целом представляется правильным, учитывая специфику историографии вопроса. Однако по мере возможности стоило представить периодизацию историографии по исследуемой теме.

Историографический блок весьма обширен, но в нем практически не фигурируют исследования, опубликованные ранее середины XX в. В частности, из классических трудов по венециеведению определенно заслуживал упоминания трехтомник Г. Кречмайра (*Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. B. I-III. Gotha – Stuttgart, 1905–1934*).

2) Утверждение, что Венецианская республика утратила статус великой державы после жестокого поражения при Аньяделло в 1509 г. (с. 4), представляется все же известным преувеличением. Отчасти Венеция, хотя ее наивысший расцвет остался в прошлом, смогла в тяжелейших условиях Итальянских войн приспособиться к новым политическим реалиям раннего Нового времени, опираясь отныне в большей степени на свое изощренное дипломатическое искусство. Кроме того, венецианцам удавалось успешно конкурировать с португальцами в торговле пряностями: к 1530-м гг. Светлейшая вновь контролировала значительную долю европейского рынка перца (см.: *Хазанов А.М. Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). М., 2003. С. 244*). Показательно также, что после победы над Османской империей при Лепанто в 1571 г. Филипп II не дал союзному флоту-победителю двинуться далее на восток и развить успех, что было бы в интересах Венеции: подобно отцу, Карлу V, он не желал ее нового усиления (*Lane F.C. Venice, a Maritime Republic. Baltimore, 1973. P. 248*).

3) «Кроме того, Сабеллико указывал на пророчества, демонстрировавшие особое внимание высших сил к делам республики. Автор приводил следующие слова, распространенные во времена Четвертого крестового похода: “<...> в богатом городе Константина: и будут они греки в высоком и благородном состоянии до льва, у которого шестьдесят ног <...>”. Можно предположить, что лев являлся аллегорией Венеции, победившей греков» (с. 53–54). Сабеллико говорил о пророчестве, приписываемом сивилле, якобы предсказавшей крах дома Комнинов, недолгое царствование Ангелов и приход венецианцев в Константинополь. Лев из этого аллегорического ряда, как гласило толкование, приводимое в венецианских сочинениях (в частности, у Марино Санудо Торселло, Лоренцо де Моначи и у самого Сабеллико), символизировал не Венецию, а византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180). Фраза о льве продолжалась: «...Пока детенышей его не пожрет медведь» (*Sabellici M. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita. Basileae, 1669. P. 136*). Число шестьдесят означало годы жизни Мануила, а медведь – Андроника I Комнина, далее же Сабеллико цитировал «предсказание» о захвате Константинополя войском с Адриатики во главе со слепцом, под которым подразумевался Энрико Дандоло (*Ibid*).

4) На момент начала переговоров с баронами-крестоносцами и с венецианцами в 1202 г. Алексей Ангел, сын Исаака II Ангела и будущий византийский император Алексей IV (1203–1204), едва ли мог считаться

«малолетним», как утверждается в диссертации на с. 121 и 231, а не просто юношей. Алексей родился в 1183 или 1182 г. Автор на с. 121, не прибегая к прямому цитированию, ссылается на текст сочинения Сабеллико, где беглый царевич постоянно именуется словом *puer*, которое может означать не только мальчика, ребенка, но и неженатого молодого человека, юнца.

5) На с. 231 автор пересказывает эпизод из «Историй Венеции» Карольдо: «Когда же Синьория решила в 1123 г. исполнить волю папы и направиться на помощь крестоносцам, греческий император Мануил I Комнин нанес республике удар в спину, отказавшись продлевать привилегии Серениссимы, желая бедствий не только островному городу, но и всему латинскому миру». Речь здесь идет не о Мануиле I Комнине, а о его отце, императоре Иоанне II Комнине (1118–1143, у Карольдо – Caloiani), который, кстати, уже в 1126 г. все же был вынужден подтвердить привилегии венецианцев.

6) В исследовании иногда, когда автор избегает прямого цитирования, встречается известная вольность в пересказе сведений источников, приводящая к упрощенному пониманию читателем того, что сообщал автор истории или хроники, хотя в большинстве случаев свидетельства источников передаются аккуратно. На с. 127 диссертант попытался сжато резюмировать изложение истории генезиса ислама и арабских завоеваний в труде Бернардо Джустиниани со ссылкой на источник: «Мухамед [Мухаммад (Мухаммед) – Д.В.], благодаря как своей хитрости и изворотливости в вопросах идеологии и экономической политики, так и удачливости, смог создать халифат и захватить многие области бывшей Римской империи: Египет, Сирию, Финикию, Африку и большую часть Пиренейского полуострова». Знания венецианского историка об арабской экспансии выглядят при таком изложении менее точными, чем они были в действительности. Венецианец говорил, что «сарацины подчинили своей власти Сирию, Финикию, Египет, Африку и большую часть Испаний, отняв ее у христиан» (*Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. Venezia, 1545. P. CXII.*), не приписывая эти завоевания самому основателю ислама. Первым халифом был Абу Бакр (632–634), Сирия и Египет были завоеваны арабами-мусульманами при втором халифе Умаре ибн ал-Хаттабе (634–644), а византийская Африка и большая часть Пиренейского полуострова – уже при династии Умайядов.

7) Применение к венецианскому историописанию раннего Нового времени понятия «политическая корректность» (с. 161), характерного для современной публицистики, представляется неудачным. Впрочем, львиная доля текста написана стилистически грамотно.

Высказанные замечания не снижают общей весьма высокой оценки оппонентом диссертации Д.И. Гоца. Диссертация представляет собой глубокое, новаторское в идеях и интерпретациях исследование, фундированное обширной и репрезентативной источниковой базой и

выполненное на солидном научном уровне. Автор продемонстрировал прекрасное владение профессиональным инструментарием историка, солидное знание современного состояния мировой историографии по изучаемой проблематике, а также обеспечил свою диссертацию должным методологическим оснащением. Диссертация, безусловно, вносит заметный вклад в исследования истории Венеции и исторической мысли Италии раннего Нового времени. Оппонент настоятельно рекомендует автору по возможности быстрее опубликовать ее в форме монографии.

Диссертация Д.И. Гоца отвечает всем предъявляемым требованиям, ее основные положения прошли надлежащую апробацию. Содержание автореферата соответствует тексту диссертации. Работа соответствует паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), полностью оригинальна, не содержит некорректных заимствований. Таким образом, представленное диссертационное исследование соответствует критериям, установленным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 26.10.2023 № 1786). Гоц Дмитрий Игоревич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки).

Официальный оппонент:
кандидат исторических наук,
доцент кафедры востоковедения
Уральского гуманитарного института
ФГАОУ ВО «УрФУ имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Возчиков Дмитрий Викторович

30.10.2024 г.

Адрес места работы: 620075, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт, кафедра востоковедения
Сайт: <https://fir-urgi.urfu.ru/ru/kontakty/>
Тел.: +7 (343) 389-94-27, e-mail: dmitry.vozchikov@urfu.ru

Подпись доктора исторических наук Д. В. Возчикова

закреплен

*Исполнительная директорка
научно-исследовательского центра*

М.И. Струшина